

К счастью, в тот самый день, будто сама судьба вмешалась, к ним приехал сослуживец отца, чтобы навестить семью погибшего товарища, проведать, как они тут, не нужна ли помощь. Он увидел мальчика, лежащего в луже крови, истекающего, бледного как полотно, и обезумевшую старуху с ножницами в руках, занесёнными для нового удара. Он успел, буквально выхватил ребёнка из-под удара, вырвал из рук смерти, прижал к себе и бросился вон из этого проклятого дома.

Запах ржавчины от тех ножниц, смешанный с запахом собственной, горячей, липкой крови, Шэнь Чан Ань не мог забыть до сих пор, спустя столько лет. Тяжёлый, тошнотворный, металлический, пронизывающий всё тело запах... запах смерти, подступившей так близко, что можно было дотронуться до неё рукой.

Когда он очнулся в больнице – в белой, стерильной палате, пахнувшей лекарствами и хлоркой, – его окружали незнакомые взрослые. Врачи в белых халатах, медсёстры, и какие-то люди в военной форме, друзья отца. Один из них, без руки, с пустым рукавом, закатанным и заколотым булавкой, несмотря на свой грубый, прокуренный, хриплый голос, старательно, почти шёпотом, наклонившись к самой кровати, читал ему дурацкие детские сказки, пытаясь отвлечь, успокоить, вернуть к жизни, вытащить из того ужаса, в котором он побывал.

С тех пор мальчика больше никогда не отправляли к бабушке. И кошмары, в которых за ним гнались чудовища, стали сниться намного реже, а потом и вовсе почти исчезли.

– Чан Ань, спишь на ходу? – Дин Ян, подкравшийся незаметно, поставил перед ним на стол пластиковый стаканчик с дымящимся, ароматным, только что из кофейной машины, кофе. – На, взбодрись, а то вид у тебя какой-то задумчивый. И спасибо тебе огромное за вчерашнее! Если бы не ты, я бы, наверное, до сих пор отписывался.

Шэнь Чан Ань взял кофе обеими руками, грея остывшие ладони о тёплый пластик, и подозрительно прищурился, уставившись на коллегу с пристальным вниманием кота, увидевшего сметану.

– Брат Ян, что-то ты сегодня слишком ласковый, прямо маслом по сердцу мажешь. Улыбаешься мне, как кот, дорвавшийся до валерьянки. Прямо чую, всем своим нутром чую – сейчас чего-то попросишь. Глаза у тебя нехорошие, бегают.

– Хе-хе, – Дин Ян засмутился, потупил взор и нервно потёр ладони друг о друга. – Ну... понимаешь, Чан Ань, брат... отчёт за вчерашнее...

– Конечно, напишет его, конечно же, – Шэнь Чан Ань отхлебнул кофе, с наслаждением прикрыв глаза, и расплылся в самой невинной, ангельской, можно сказать, херувимской улыбке. – Наш многоопытный, умудрённый годами и опытом старший товарищ! Кому же ещё писать отчёты, как не старшему? Спасибо тебе, брат Ян, заранее! Огромное человеческое спасибо!

Дин Ян кисло, с натяжкой, улыбнулся в ответ:

- Да не за что... всегда, так сказать, пожалуйста...

Экран телефона Шэнь Чан Аня, лежащего на столе экраном вверх, вдруг ярко вспыхнул – пришло новое сообщение в WeChat. Шэнь Чан Ань машинально глянул на уведомление и невольно, сам того не замечая, расплылся в тёплой, искренней улыбке, от которой на щеках появились ямочки.

Нянь: "Прогноз погоды говорит, что сегодня будет дождь".

Целых девять иероглифов и даже знак препинания в конце (1)! Если округлить с натяжкой – это колоссальный, просто гигантский прогресс в общении! Шэнь Чан Ань, всё ещё улыбаясь, быстро, почти не глядя, застучал по экрану большими пальцами.

Чан Ань: "Спасибо, что предупредили. А в моём прогнозе, представляете, до сих пор солнце значит, ясная погода без осадков. Ну и бардак, прямо скажем, в их службе, непрофессионально работают".

Ответ пришёл не сразу. Минута, две, три, пять – Шэнь Чан Ань уже успел допить кофе и начать просматривать какие-то бумаги, когда телефон снова засветился.

Нянь: "Может, у нас просто разные приложения для погоды. Они иногда ошибаются. У всех по-разному показывает".

Это он что, оправдывается? Пытается объяснить, сгладить неловкость? Шэнь Чан Ань представил себе эту картину: Дао Нянь, который никогда не говорит вслух, который общается только с помощью телефона или редких жестов, сидит сейчас где-то в своей квартире, возможно, у того самого панорамного окна, и сосредоточенно, с каким-то трогательным старанием, набирает это сообщение на экране, тщательно подбирая слова, чтобы его ответ не показался слишком коротким или равнодушным. И от этого представления на душе у Шэнь Чан Аня стало ещё теплее, а улыбка – ещё шире.

Чан Ань: "Я Вам верю. Спасибо, что написали".

* * *

Дао Нянь стоял у огромного, во всю стену, панорамного окна, выходящего на городские улицы, где в ночное время можно было увидеть его бесконечное море огней, простирающееся до самого горизонта, и смотрел на экран своего телефона. Свет от дисплея мягко освещал его красивое, почти нечеловечески совершенное лицо, делая его черты ещё более загадочными и притягательными. Прошла минута, другая, третья. Его длинный, изящный палец несколько раз зависал над клавиатурой, то набирая что-то, то тут же стирая, словно он не мог подобрать нужных слов или сомневался, стоит ли вообще что-то добавлять. Наконец, приняв какое-то внутреннее решение, он отправил ответ – всего один единственный иероглиф, но в нём, в этом кратком "Мгм", казалось, было заключено столько смысла, столько согласия и тихой,

спокойной признательности.

* * *

Нянь: "Мгм".

1. Наверное, для русского читателя может показаться странной такая реакция. Просто дело в том, что знаки препинания в китайском языке – это довольно "новое веяние". Знаки препинания в том виде, к которому мы привыкли, стали частью китайской письменности относительно недавно – в начале XX века. Их появление и официальное принятие были тесно связаны с реформами языка и влиянием Запада. Однако у современной пунктуации были предшественники в самом Китае. В классических текстах знаков препинания не было, иероглифы писались слитно. Для облегчения понимания читатели сами расставляли вспомогательные знаки пауз. Эта традиция разметки текста называется "цзюйдоу" ("предложения и фразы"). Знак "□" обозначал конец предложения ("цзюй"), а "□" — короткую паузу ("доу"). Важно понимать, что эти пометки не считались обязательной частью текста, а были лишь подсказкой для читателя. Только в 1919-1920 годах, в эпоху культурных реформ, начали активно внедрять современные знаки препинания, чтобы сделать письменный язык (байхуа) проще и понятнее. В 1920 году, Министерство образования Пекинского правительства официально издало указ о внедрении унифицированного набора из 12 знаков препинания, положив начало современной пунктуационной системе.

<http://bllate.org/book/16518/1504212>